

Елена Румановская

С благодарностью

Я не обращалась к нему "Сеня", как многие, только "Самуил Моисеевич", потому что слушала его лекции, а к преподавателю, по моей ленинградской привычке, обращаться по имени невозможно. Хотя общительный, всегда окруженный людьми и наполненный идеями, С.М. Шварцбанд и предлагал .

Мы познакомились в конце 1991 года, конечно, в Еврейском университете, на кафедре славистики, которая вступила тогда, вероятно, в эпоху своего расцвета и бурлила народом. Илья Захарович Серман, согласившийся быть научным руководителем моей диссертации по Герцену, пригласил из соседней комнаты С.М. и попросил его написать отзыв на мою дипломную работу и единственную на тот момент опубликованную в "Русской литературе" статью. Отзыв, датированный 19 января 1992 года, я сохранила, в нем сказано, что моя студенческая работа "представляет из себя вполне самостоятельное исследование" и "кажется не только свежей по подходу, но и в достаточной степени оригинальной". А дальше следует интересное замечание, которое я поняла, когда познакомилась с работами самого С.М. Он написал в дежурном отзыве на работу кандидатки в докторантуру о "некоторой "инфантильности" современной методологии, проявляемой ею по отношению к текстологическим и процессуальным аспектам исследований". Эта проблема его действительно волновала, и он справедливо считал, что иногда "кое-где у нас порой" филологи забывают о датировках и текстологии. Мы с ним об этом говорили.

Всё это: и немедленное согласие помочь, и отзыв, и доброжелательность, – были естественны для С.М. и непривычны для меня, замороженной пятью отказами в принятии соискателем в родной ленинградский Герценовский институт, оконченный с отличием .

Поскольку С.М. был окружен человеческими потоками, он "выловил" в одном из них московского герценоведа Софью Давидовну Гурвич-Лищинер и познакомил меня с ней, оказав услугу обеим. Но когда С.М. предложил мне выступить на Международном конгрессе "Oh, Jerusalem!", оказалось, что Софья Давыдовна уже "застолбила" тему "Герцен и Иерусалим", и я растерялась. С.М. помог и здесь: он бросил взгляд на мои записи, привезенные из Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (Публички) и выбрал неопубликованный "Дневник" Н.П. Поливанова, племянника Авраама Норова, совершившего вместе с последним путешествие в Палестину в 1861-62 гг .

С легкой руки С.М., у меня появилось новое направление исследований: записки русских паломников о своих путешествиях в Палестину, что вылилось в несколько статей, выступлений, прочитанный в Еврейском университете курс лекций и две книги. И я достоверно знаю, что очень многим, как и мне, С.М. помог, не знаю только, многие ли выразили и сохранили благодарность...

Идей у Самуила Моисеевича было множество, и он, в отличие от многих, умел их воплощать в жизнь. Не знаю, состоялись ли бы в Иерусалиме все международные конгрессы и конференции, циклы встреч-лекций, презентации и семинары без его неумной энергии, объединяющей не всегда близких друг другу людей. А издание "Евгения Онегина" с параллельным русским текстом и переводом на иврит Авраама Шленского? А сборники "После юбилея" к 200-летию со дня рождения Пушкина (С.М. – редактор, вместе с Р.Д. Тименчиком) и "Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина" (С.М. – редактор, вместе с Д. Сегалом)? А монументальные тома серии "Jews and Slavs" под редакцией С.М. и В.А. Московича? А сколько выдумки было в праздновании 90-го дня рождения Ильи Захаровича Сермана, которому С.М. придумал и сделал календарь с портретами друзей и учеников .

Лекции С.М. были, если так можно сказать, заразительными – немедленно хотелось заняться только что затронутой темой. И веселыми – студенты и докторанты слетались на них толпами. Книги же оказались строгими, выверенными и стройными .

И с течением времени выяснилось, что С.М. пишет стихи. Хорошие. Но неожиданно не похожие на его внешний, известный нам, неблизким людям, облик. В них много о Иерусалиме, о Риме, о смерти:

Еще есть я, но без меня – потом –
Окажутся бессмысленными строки.
Вот почему, пишу или кричу,
Я все равно из человеческой речи
Летейское безмолвие учу,
Труднейшее из мыслимых наречий.

Из сборника "Летаргия", 1995

На надгробном памятнике на иерусалимской Горе Отдохновения с видом на вечность тоже остались стихи:

Тогда из-под корявых черепков
Душа моя, не ведая заботы,
Кивнет холмам в мгновение излета
И станет легкой тенью облаков...

Из сборника "Черепки", 1990